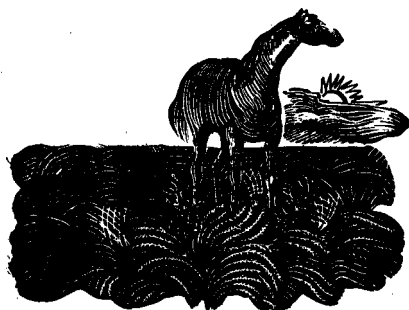


глаз выколи; хоть завались; хоть кол на голове теши  
хоть лошади; хоть отбавляй; хоть плачь; хоть разорвись  
хоть трава не расти; хоть шаром покати и др. Лишь от-  
дельные из этих сочетаний могут утрачивать союз *хоть*.

И. С. КОЗЫРЕВ,  
доцент Орловского педагогического института



## Ковыль

Из двух почти совпадающих по звучанию слов *ковыль* и *ковыль* первое — общеупотребительное, литературное, а второе — диалектное, территориально ограниченное. В семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка» *ковыль* отмечено в значении «травянистое растение из семейства злаковых с узкими листьями». Аналогичное толкование слову дается в «Сельскохозяйственной энциклопедии». Основная территория распространения этого растения — юг России, Центральная Азия, юго-запад и юг Сибири.

В литературном языке широко употребительно производное прилагательное *ковыльный*, например, у С. Есенина:

О, сторона ковыльной пуши,  
Ты сердцу ревностью близка,  
Но и в твоей таится гуще  
Солончаковая тоска.

В древнейших памятниках письменности *ковыль* — *ковыль* также отмечается. В «Задонщине» читаем: «Не што гораздо упилися у быстрого Дону на полъ Куликовъ, на травъ ковыль?». В «Слове о полку Игореве»: «Яро-

славна рано плачет въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: О вѣтрѣ, вѣтрило!.. Чему, господине, мое веселие по ковылю развѣя?». Употреблено это слово и в «Повести о разорении Рязани» (XIV в., список XVI в.).

Как варианты одного и того же слова с одинаковым значением, *ковыл* и *ковыль* отмечены в «Донском словаре» А. В. Миртова, в публикациях диалектного материала: Е. Ф. Будде «О говорах Тульской и Орловской губерний» (М., 1907) и Б. А. Моисеев «Словарный состав говора села Саратовки Сонь-Илазского района Чкаловской области» (М., 1956).

Однако в куршинско-мещерских говорах Рязанской области слово *ковыл* (в произношении *кавѣл*) встречается в двух значениях, отличных от значения *ковыль*:

1. 'Жесткая, мелкая, почти высохшая на корню трава по суходолу; белоус.' «Фсе днѣ кавѣл дярѣт (косят) ны Зарѣцынай».

2. 'Сено, плохо поедаемое животными': «Ис сѣна адин кавѣл асталси». Здесь же употребляется слово *ковылок* — уменьшительно-ласкательное к *ковыл*: «Кывылок скатина ны пыадѣят» (записи автора).

Происхождение слова *ковыль* и *ковыл* до сих пор остается невыясненным. В. Даль, основываясь, вероятно, на данных народной этимологии, производит их от *ковылять*, *вилять* 'колыхаться'. Именно с этим значением непосредственно связано в русских говорах слово *ковѣлина* 'пук травы или мочало, привязываемые к концу хвоста бумажного змея' (Опыт областного великорусского словаря. 1852).

Однако связь слов *ковылять* и *ковыль* (трава) вряд ли может считаться достоверной, и в этом сомневался А. Г. Преображенский. Исконно русский глагол *ковылять*, по мнению некоторых этимологов, представляет собой приставочное образование от *вилять* в значении 'двигать, колебать, качаться, шататься' с приставкой *ко-*. В свою очередь *вилять* — от *вилый*, 'извилистый, кривой'.

Существует мнение, что появление звуко сочетания *вы* (вместо *ви*) в *ковылять* вызвано влиянием слова *ковыль* (см.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка). По-видимому, это не совсем так. Если учитывать фонетический облик слова *ковылять* (произносится примерно как *кывылять*), можно предположить, что сочетание *вы* возникло в нем под влиянием соседнего слога с твердым согласным *к*.

Что же касается диалектного слова *ковыл* 'трава, сено', как и общеупотребительного литературного *ковыль*, то это скорее всего заимствование из тюркских языков. Ср. турецкое *ковылык* 'гладко выщелушенный, то есть очищенный от листьев', *ковалик* 'род тростника'. О том, что это слово — возможный тюркизм, писали тюркологи К. Менгес и О. Прицак. В частности К. Менгес в книге «Восточные элементы в лексике „Слова о полку Игореве“» (Нью-Йорк, 1951) приводит несколько различных тюркских корней, возможно, послуживших источником слова *ковыль*, в том числе тюркские: *qoşuğaj* 'растение с полным стеблем', *qavla* 'безлистный', *qavut* 'очищенные прутья ивы'. Точка зрения Менгеса близка к истине. Заметим, что древнерусская форма с гласным *о* в первом слоге *ковыль* закономерно могла возникнуть из тюркской формы с гласным *а*, который был так называемым лабиализованным (близким к *о*).

Однако окончательное решение вопроса о происхождении русского слова *ковыль* Менгес откладывает до того времени, пока не появится дополнительный словарный материал, свидетельствующий о том, что в тюркских языках есть производные от тех же корней, обозначающие определенные растения. Мещерское *ковыл* до нашего времени сохранилось в форме, наиболее близкой и по звучанию и по значению к тюркскому источнику. По нашим наблюдениям, *ковыль* (кавыл) встречается и в близлежащих говорах касимовских татар.

Основными путями проникновения тюркизмов в русский язык, как отмечают исследователи, были экономические и культурные контакты с ближайшими к русским тюркскими народами: печенегам, булгарами, хазарами, племенами и народами Поволжья. Мещерский край, в говоры которого неоднократно проникали тюркизмы, на протяжении всей памятной истории никогда не имел политической самостоятельности и территориальной целостности. Если северная его оконечность рано была поделена между Муромским, Владимирским, позднее Московским княжествами, то южная часть, так называемая Мещерская сторона, принадлежала княжеству Рязанскому. Восточная область, именуемая Мещерой, еще в конце XIII века была захвачена ширинским князем Бахметом Усейновичем. Через столетие она также отошла к Московскому государству, а в

середине XV века Мещера, находясь в руках татарского царевича Касыйма, образует вассальное Касимовское царство, просуществовавшее в составе Московского государства до конца XVII века. К этому надо добавить, что во время татарского нашествия мещерские леса не раз служили прибежищем для населения соседних, более южных областей. Эти исторические события способствовали появлению тюркских элементов в мещерско-рязанских говорах.

В. Т. ВАНЮШЕЧКИН  
Елец

Нередицкая церковь — всемирно известный памятник новгородской архитектуры и фресковой живописи конца XII века.

Обращает на себе внимание лексико-грамматическая неустойчивость ее названия. Первое противоречие заложено уже в Новгородской хартийной летописи: под 1198 годом здесь отмечена закладка храма «святого Спаса Преображения Новегороде на горе, а прозвище Нередице», а в 1219 году храм называется уже «Спасом в Нередицах» — с предложным управлением, выражающим пространственное отношение, применимое скорее к долине, чем к горе. Кстати, само название местности, по-видимому, финского происхождения (от широко распространенного в финской топонимике пого 'ложбина, низменность'). Второе противоречие возникло из-за употребления топонима то в единственном, то во множественном числе. В итоге создалось не совсем обычное положение, когда один и тот же объект именуется в современной научной литературе различно: Спас в Нередицах, Спас на Нередице, Спас-Нередицы, Спас-Нередица, а когда эти названия кажутся слишком длинными, то просто Нередица.

